

УДК 930 (47+57) (093)
DOI 10.52452/19931778_2024_2_47

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ О НАРОДНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ В РОССИИ (ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© 2024 г.

В.А. Кутаев

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

vlakit2@mail.ru

Поступила в редакцию 01.02.2024

Рассматривается отношение В.О. Ключевского к идее народного представительства и ее воплощению в Государственной думе. Большое внимание уделено его участию в экспертной работе по подготовке правительственного проекта этого учреждения. Выявляется умеренность конституционной программы Ключевского, где вопрос о компетенции Думы не имел первенствующего значения. В приоритете же были проблемы качества избирательной системы и обеспечения оптимального, на его взгляд, социального состава нового органа. Отмечается и такая особенность позиции историка, как стремление не допустить преобладания дворян в Государственной думе.

Ключевые слова: В.О. Ключевский, Россия, самодержавие, Александр III, Николай II, революция 1905–1907 гг., либерализм, конституционализм, народное представительство, боярская дума, Государственная дума, Петергофские совещания.

Общим местом в литературе о Ключевском давно уже стала констатация враждебности историка институту самодержавия в современной ему России. Но, как правило, этим и ограничивается характеристика его политических взглядов. Она статична, ибо имеет исключительно результирующий характер, не предполагая исследовательского погружения в самый ход мысли Ключевского. А процесс раздумий Ключевского над проблемой ограничения самодержавия, начавшись в 1860-е гг., длился до конца жизни. И за базовым ее решением стояло немалое число сомнений и колебаний.

Пожалуй, ближе всего к проникновению в область осмысления Ключевским вопроса о судьбе монархии в России подошла в свое время М.В. Нечкина [1]. В принадлежащей ей капитальной «истории жизни и творчества» историка немало фактического материала по интересующей нас теме, но «конституционные» эпизоды присутствуют здесь отдельно друг от друга, без всякой связи между собой. Спорны, как нам кажется, и некоторые сопровождающие их суждения авторитетного исследователя.

Какой же видится автору статьи его собственная задача? Здесь делается попытка воссоздать, насколько это позволяют источники, более или менее целостную картину того, как выстраивалось отношение Ключевского к идее введения конституционных начал в России, как его теоретические представления переходили, в конечном счете, на уровень политической практики. Этот процесс длился полвека, с 1860-х годов до последних лет жизни историка.

Начнем же погружение в тему с одной очень важной страницы биографии Ключевского – и не только как ученого. Всего вероятнее, уже летом 1872 г. он определился с темой докторской диссертации, и наступившее десятилетие прошло под знаком ее подготовки. На рубеже 1870–80-х гг. полученные научные результаты были представлены в монографии «Боярская дума древней Руси», впервые увидевшей свет в журнале «Русская мысль». Ее печатание началось в январе 1880 г. и продолжалось (с перерывами) до ноября 1881 г. «Концепция Боярской думы как “конституционного учреждения”, да еще с “обширным политическим влиянием”, – пишет М.В. Нечкина, – сложилась у Ключевского, по всем данным, в самом начале работы; более того, она отчасти и явилась магнитом, притянувшим его внимание к проблеме» [1, с. 178–179].

Нам не удалось разыскать «данные», о которых говорит М.В. Нечкина. Не убеждает и ее утверждение, согласно которому уже созревшая в голове Ключевского «конституционная» концепция думы в известной мере определила выбор этого учреждения для исследования. Такое видение думы, как нам представляется, стало результатом достаточно длительного процесса осмысления историком большого фактического материала, завершившегося только к концу 1870-х гг. К этому времени пришло и осознание того, что его «Боярская дума» своим содержанием отвечает насущной потребности совсем не научного происхождения. А она явственно за-

явила о себе к концу десятилетия и в политике самодержавия, уже искавшего себе опору в обществе как силе, которая может прийти на помощь в его борьбе с революционным движением, и в конституционных требованиях либерального земства.

Думается, вполне уместным будет обратиться здесь к свидетельству, говорящему о заметной политизированности настроения историка ко времени начала печатания «Боярской думы». Его приводит в своей книге М.В. Нечкина. 5 декабря 1879 г. Ключевский прочитал свою первую лекцию в Московском университете. Она была посвящена преемникам Петра. Его слушатели отмечали, что пока еще малоизвестный доцент неожиданно осмелился говорить о свободе, которой так не хватало в реформаторском наследии императора. «Чтобы Россия могла стать богатой и могучей, нужна была свобода. Ее не видела Россия XVIII века». <...> Отсюда и «государственная ее немощь» – так передавались слова лектора. Студенты ответили ему аплодисментами [1, с. 196].

Но вернемся к «Боярской думе» журнальной редакции. Во введении назывались мотивы, побудившие автора приняться за разработку темы. Во-первых, требовалось проверить правильность политической философии, распространявшейся еще в прошлом веке «великую веру в государственные учреждения», «во всепасающую силу политических гарантий». Во-вторых, необходим был поиск исторических корней русских правительственных учреждений.

В первом случае решалась важная задача – предупредить соотечественников о возможности их разочарования в ожидаемых политических гарантиях. Ведь на Западе дело не раз оборачивалось только «успехами парламентской риторики», а огражденный законом принцип «laissez faire» стал орудием эксплуатации общества одним его классом [2, с. 49].

Во втором случае исследователь мог оказать обществу помощь, открывая ему глаза на «корни» тех новых государственных учреждений, которые вот-вот могли быть дарованы. «Как только великими реформами последних десятилетий стала обновляться наша народная жизнь», говорилось во введении, мы стали «заботливо думать», а не было ли «в нашем прошедшем таких общественных отношений, которые еще могли бы быть восстановлены и послужить интересам настоящего». Важно было не допустить чисто западного варианта конституционного преобразования. А, кроме того, встал и такой вопрос: «есть ли в настоящем обществе силы, элементы, способные понести на себе всю тяжесть общественной самодеятельности, не за-

трудная, а облегчая деятельность правительства в интересах народного блага» [2, с. 50].

Для книжного издания «Боярской думы» (оно состоялось в 1882 г.) Ключевский подготовил новую редакцию введения. Здесь он констатировал факт главенства боярской думы по отношению к древнерусской администрации. По существу, она представляла собой «законодательное учреждение», устанавливая «общие правила, постоянные нормы». Занимаясь законодательством, орган этот выполнял одновременно судебную и административную функции. Ничуть не колеблясь, историк именовал думу «конституционным учреждением», подчеркивая «обширность» ее политического влияния. Правда, этот реальный статус не подтверждался «конституционной хартией» [3, с. 3].

Во втором варианте введения заметно повышался градус положительной оценки думы за счет общей характеристики роли этого института в истории России. С нее и начинался обновленный текст. Необходимо привести этот фрагмент полностью. «С X и до XVIII в. боярская дума, – пишет Ключевский, – стояла во главе древнерусской администрации, была маховым колесом, приводившим, приводившим в движение весь правительственный механизм; она же большей частью и создавала этот механизм, законодательствовала, регулировала все отношения, давала ответы на вопросы, обращенные к правительству. В период наиболее напряженной своей деятельности, с половины XV в. до конца XVII в., это учреждение было творцом сложного и во многих отношениях величественного государственного порядка, установившегося на огромном пространстве московской Руси, того порядка, который только и сделал возможным смелые внешние и внутренние предприятия Петра, дал необходимые для того средства, людей и самые идеи; даже идеи Петра, по крайней мере основные, наиболее плодотворные из них, выросли из московского государственного порядка и достались Петру по наследству от предшественников вместе с выдержанным, удивительно дисциплинированным политически обществом, руками и средствами которого пользовался преобразователь» [3, с. 1–2]. В книжном введении, заметим, уже не нашлось места признанию в том, что боярская дума «как политическая сила не удовлетворит публициста».

Такое видение объекта изучения, такое понимание общественной потребности в его исследовании вряд ли могли сформироваться у Ключевского уже к началу работы над докторской диссертацией. Ведь еще во второй половине 1860-х гг. он вполне разделял антиконституционную аргументацию либерала Чичерина

[4, с. 21]. Однако на протяжении 1870-х гг. думская проблематика набирала все большую и большую общественно-политическую актуальность и способствовала освобождению историка от неприязни к идеям конституционализма – настроения, с которым он выходил из предшествующего десятилетия.

В том, как Ключевский представлял читателю тему своего труда, М.В. Нечкина расслышала голос либерального лагеря. Более того, полагает она, историк, искавший «исторических корней для нового русского конституционного учреждения», переходил здесь порой «на более левые, демократические позиции» [1, с. 202–203]. Можно ли согласиться с этой точкой зрения? Не исключено, конечно, что в возвращении к традиции самоограничения княжеской и царской власти ему виделся наименее болезненный путь перехода к государственному строю, который воплотил бы собой, наконец, полнокровный конституционализм. Но из этого вовсе не следует, что либеральное сообщество «говорило устами историка». Точнее, наверно, будет сказать, что автор «Боярской думы» только еще выходил навстречу либеральному движению. Надуманными представляются замечания о «левизне» и «демократизме», которые он якобы продемонстрировал в докторской монографии. Признаков такого рода просто-напросто нет. А на рубеже 1870–80-х гг. куда более радикальные образцы политического мышления и поведения показывали деятели земского либерализма.

Изучение политических взглядов Ключевского в их временной протяженности и эволюции серьезно затрудняется малочисленностью и информационной бедностью доступных сегодня источников. Длительность этой ситуации дефицита (прежде всего свидетельств личного происхождения: писем, дневниковых записей), к сожалению, весьма значительна: это 1870-е – 1890-е гг. Но указанное обстоятельство не дает права прекращать поиск таких эпизодов биографии историка, где все-таки обозначились его политические предпочтения. Рассмотрим такой случай.

В июне 1893 г. последовало распоряжение Александра III о назначении Ключевского преподавателем истории к великому князю Георгию. Он командировался на Кавказ, в Абастуман, где лечился от туберкулеза второй сын царя. Здесь Ключевскому предстояло прочитать курс «Новейшей истории Западной Европы в связи с историей России» (он начинался с Французской революции 1789 г. и заканчивался реформами Александра II).

8 июля 1893 г. в Петербурге состоялась встреча историка с воспитателем двух старших сыновей императора генералом Г.Г. Даниловичем

и, предположительно, министром двора И.И. Воронцовым-Дашковым. В этом кругу прошло обсуждение вопросов преподавания исторического курса великому князю. Дневниковая запись Ключевского передает содержание беседы.

По всей видимости, Даниловичу принадлежит прозвучавшее здесь программное напутствие московскому профессору. Оно не могло не показаться неожиданным для Ключевского. Вот как было зафиксировано им услышанное.

«Политические вопросы д[олжны] быть в программе. Только от преподавателя и могут они быть усвоены и разъяснены. “Вы должны помнить, что вы проф[ессор] и преподаете, что находите нужным. Делайте, что следует делать, а что из того выйдет, за это вы не отвечаете”. Наше дело сказать правду, не заботясь о том, что скажет какой-н[ибудь] гвард[ейский] штаб-ротмистр. Надобно рассеять мнения и предубеждения самоуверенного окружающего невежества: “конституция – нелепость, а республика – бестолочь”. У России общие основы жизни с З[ападной] Евр[опой], но есть свои особенности. Что теперь несвоевременно, то еще нельзя назвать нелепостью; робкое предположение, что *со временем мы* примем европ[ейские] политические формы (и даже скоро), рано или поздно установим те же порядки, хотя и с некоторыми особенностями. Надобно исторически показать происхождение и смысл этих форм и стремлений. Нечего есть, и потому народы требуют обдуманного распоряжения его деньгами» [5, с. 264].

«Я за это, – записал Ключевский, – историческое изложение покажет, что *новое начало не произвол мысли, а естественное требование жизни*» [5, с. 264].

Даниловича поддержал министр Воронцов-Дашков.

Итак, историк солидаризировался со своими собеседниками, оставив очень важное свидетельство о собственной политической позиции в 1890-е годы. Как видим, он не переставал верить в неизбежность установления в России конституционного строя.

О содержании абастуманского курса можно судить по конспекту, подготовленному Ключевским. Для нас особенно интересно здесь то, как он понимал особенности французской конституции 1791 г., обязанной своим рождением революции 1789 г.

Ключевский увидел в этом документе «мастерское академическое развитие политических идей века (равенства и самодержавия народа), но очень неудовлетворительный политический акт». В ней были «недостаточно соображены

наличные условия ее действия и обеспечения ее прочности (изложение и разбор), почему она и осталась бумажной конституцией» [6, с. 209]. Эта начальная характеристика была далее расширена и конкретизирована. Приведем данный фрагмент целиком – этого требует важность сказанного.

«Главные недостатки: 1) различие акт[ивных] и пассив[ных] граждан, 2) исполнит[ельная] власть (король) без *своих* органов исполнения, 3) обилие и краткосрочность выборов, 4) однопалатное законодательство, 5) устройство и присяга духовенства. Полное выражение духа и идей века, верившего в возможность устроить и править обществом по отвлеченным началам разума. Точно составляли конституцию способные студенты, хорошо заучившие свои курсы государственного права, но забывшие учебник истории. Народ – источник власти, но ее не управляющий, и другие юридические фикции – удобные связки для теоретического построения, на деле должны были оказаться недоразумениями и вести к злоупотреблениям или небрежности. Давались обильные законные средства анархии и очень мало сдержек для порядка. Конституция не столько удовлетворяла, сколько *подсказывала* потребности: народ хотел простора для труда и безопасности для лица и имущества, а ему давали отвлеченные схемы свободы, равенства и народного самодержавия. Потому это – произведение утонченной кабинетной мысли, а не политической мудрости; ее легко и приятно изучать, но трудно исполнить; она рассчитана на будущее человечества, а не на Францию прошлого века; для ее осуществления требуется такое совершенное общество, для которого не нужна никакая конституция, а достаточно Моисеева десятословия или 10 еванг[елических] заповедей блаженства» [6, с. 209].

Связывая явления революции и конституции, Ключевский отмечал, что «революционная попытка на философской основе построить новое общество для Франции кончилась только разрушением старого, исторически сложившегося порядка, основанного на феодальном неравенстве». А свобода и народовластие «погибли среди террора и под гнетом военной диктатуры». Бесспорное же «всемирно-историческое значение Французской революции», по Ключевскому, заключалось в том, что она дала Европе и Франции поучительный урок, показавший негодность отвлеченных начал: «это не права, присущие людям по самой их природе, которых стоит только пожелать, чтобы получить их, а блага общежития, которые надобно выработать, чтобы уметь ими пользоваться» [6, с. 229].

Можно, конечно, упрекнуть автора статьи в том, что он надолго оставил русского историка наедине с французской проблематикой. Но в только что представленных материалах хорошо прочитывается момент назидания для современной ему России. Приведенные здесь размышления Ключевского будут в недалеком будущем актуализированы революционным кризисом на его родине. Он, несомненно, учтет тогда открывшийся ему негативный опыт Франции, определяясь в своем отношении к началу конституционного строительства в России.

Репутация Ключевского как хоть и осторожно, но стойкого либерала-конституционалиста, которая укоренилась в общественном мнении, пережила на исходе первой половины 1890-х годов серьезное испытание. 20 октября 1894 г. умер Александр III. А 28 октября в заседании Общества истории и древностей российских Ключевским была произнесена речь памяти императора как его официального покровителя. Своим председательством в Обществе он был обязан опять-таки ему.

Присутствовавшие услышали речь апологета Александра III, не желающего видеть в России никаких альтернатив принципу единовластия. Она опрокидывала образ прогрессивно мыслящего, оппозиционно настроенного университетского профессора.

Европа, утверждал оратор, признала в Александре III «государя международного мира и порядка», что означало и признание исторического предназначения России. А оно заключалось в осуществлении такой политической организации, которая открывала для «мысли народа» возможность напрямую выражаться в «воле царя», а «воля народа» становилась при этом «мыслью его царя» [7, с. 6].

Александр III предстал в речи как завершитель процесса культурной интеграции Западной Европы и России. В этом смысле он – «европейский государь». Хорошо видно стремление Ключевского ввести завершившееся царствование не только в общеевропейский, но и мировой контекст. Не исключено, что эта тема призвана была как-то уменьшить исходивший от оратора напор монархического энтузиазма, помочь слушателям уйти от больных вопросов русской жизни.

Мы не будем сейчас вдаваться в анализ причин, заставивших Ключевского поддаться расхожему императиву «положение обязывает», хотя это решение не могло не обернуться для него значительными репутационными потерями в среде либеральной интеллигенции и московского студенчества. Для нас важно констатировать бесспорное: обращения либерала-конституциона-

листа в сторонника неограниченной монархии все-таки не произошло. Имел место всего лишь эпизодический, ситуативный отказ от однажды взятого идейно-политического вектора.

Чем заметнее обозначались в России конца XIX в. признаки надвигающейся революции, тем непримиримее становился Ключевский в своих оценках исторической роли самодержавия. Но вместе с тем он еще не был готов к скорому падению этого института, ибо только неограниченная монархия могла предотвратить национальную катастрофу. Приведем несколько его суждений в подтверждение сказанного.

В записной книжке 1890-х гг. историк назвал русских царей «мертвецами в живой обстановке». Рядом с этой характеристикой утверждалось нечто иное: «С[амодержавие] нужно нам пока как стихийная сила, которая своей стихийностью может сдерживать другие стихийные силы, еще худшие» [5, с. 339, 340].

Дневник начала 1900-х гг. становится настоящим лобным местом, с которого звучат следующие один за другим беспощадные приговоры российскому самовластию [5, с. 395–396]. Последняя династия, пророчит здесь Ключевский, «не доживет до своей поли[тической] смерти, вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет прогнана». Но такой исход принесет одновременно со «счастьем» и «несчастьем» России, притом «повторное»: «ей еще раз грозит бесцарствие, смутное время». Хрестоматийными стали слова, произнесенные Ключевским публично в самом начале 1905 г.: «Николай II – последний царь. Алексей (наследник престола. – В.К.) царствовать не будет».

Все чаще и чаще в дневниковых записях Ключевского, относящихся к началу XX в., стало фигурировать слово «конституция». В этом отразилась особенность политической атмосферы тогдашней России, пронизанной требованиями как ограничения самодержавия, так и его ликвидации. Историка допетровской думы была уготована роль одного из видных участников в деле проектирования теперь уже конституционного народного представительства с заимствованным из прошлого названием.

Наблюдая за тем, как Николай II и его правительство пытаются сбить революционную волну, в том числе и обещаниями уступки в виде народного представительства, Ключевский, конечно, не мог иметь против такой готовности принципиальных возражений. Он, как мы уже знаем, принял идею о неизбежности усвоения Россией европейских политических форм, которые могли быть соглашены с ее историческими особенностями. Но Ключевский не был бы Ключевским, если бы при этом не высказал до-

статочно серьезных сомнений в конечном успехе поспешной конституционной трансформации, обязанной тем, что она состоялась, революционному потрясению. На эту тему он ранее размышлял, отталкиваясь от опыта Франции эпохи революции 1789 г. Что же его настораживало теперь, применительно к России?

Ответ на этот вопрос находим в двух дневниковых записях – от 14 февраля и 20 декабря 1905 г. Обратимся к их содержанию.

В первой из них Ключевский сразу же формулирует самый важный для него вопрос: какие «общественные классы и силы» находят в представительном собрании «выражение своих нужд и желаний»?

Прежде всего «классы и силы», претендующие на участие в народном представительстве, указывает он, должны быть организованы в «какие-либо союзы, корпорации». Такими классами в составе российского общества продолжают оставаться «старые сословия». Правда, реформы, начавшиеся с отмены крепостного права, отмечает Ключевский, поколебали основы сословного строя, «перепутали их взаимные отношения» [5, с. 307]. И все же в городском и земском самоуправлении главное значение имеют три сословия: дворянство, купечество и крестьянство.

Но кроме сословий Ключевский видит в обществе и другие силы, которые он называет «интересами». При всем их разнообразии они сводятся к двум «категориям». Это – капитал и труд. «Интересы» по-своему «классифицируют» общество, и новое деление не совпадает с сословным [5, с. 307].

Итак, подытоживает свой социологический анализ Ключевский, «сословное деление уже не отражает в себе полно и точно действующих в обществе интересов, а эти интересы еще не успели кристаллизироваться, сомкнуться в общественные классы, способные найти своих представителей». В этой ситуации «переслоения общества», «неутвержденности» его состава все «учредительные опыты» по созданию органа народного представительства будут, полагает Ключевский, «рискованны и ненадежны». Здесь не помогут ни образец «старинных московских Земских соборов», ни «современные западноевропейские конституционные шаблоны». «Жизнь, – настаивает он на своем, – должна сама создавать свои формы, прилаженные к наличным условиям места и времени» [5, с. 307].

Первым же, действительно реалистическим шагом на пути к конституционному переустройству России, мог бы стать, по мнению Ключевского, созыв общероссийского подготовительного совещания городских голов и пред-

седателей губернских земских собраний. Его участники и должны были договориться о том, «какие классы и интересы и как» могли бы найти место в будущем политическом представительстве. Предварительно этот вопрос надлежало обсудить в губернских думах и земских собраниях. Именно в их резолюциях «найдут себе выражение и интересы или классы, не представленные прямо ни во всеобщих земских, ни в бессловных городских учреждениях» [5, с. 308].

Размышляя над проблемой готовности русского общества к обретению народного представительства, Ключевский, конечно, не мог не реагировать на такое явление, как быстрый рост числа политических партий в 1905 г. Казалось бы, он должен был видеть в этом процессе признак достижения общественными силами необходимой зрелости и положительно оценивать его результаты. Но никакого энтузиазма по этому поводу Ключевский не испытывал. Вторая из названных нами дневниковых записей, датированная 20 декабря 1905 г., выразительно доносит его отрицательное отношение к достижениям российского партогенеза накануне первых выборов в Государственную думу.

Ключевский писал: «Я не сочувствую партиям, манифесты которых сыплются в газетах. Я вообще не сочувствую партийно-политическому делению общества при организации народного представительства. Это: 1) шаблонная репетиция чужого опыта, 2) игра в жмурки. Манифесты выставляют *политические* принципы, но ими прикрываются *гражданские* интересы, а представительство частных интересов – это такой анахронизм, с которым пора расстаться. Все платформы грешат одним недосмотром: они спешат установить, т.е. предопределить, *направление* нашего будущего конституционного законодательства, а наша ближайшая задача и забота – обеспечить и подготовить самый *орган* конституционного представительства» [5, с. 310].

Запись 20 декабря важна еще и тем, что она содержит признание Ключевского в нежелании вступать в какую-либо партию: «Я могу только проявить сочувствие, но не могу принять участие» [5, с. 311]. Но это настроение было все-таки преодолено – вероятно, где-то между концом декабря 1905 г. и февралем 1906 г. А в марте 1906 г. он уже баллотировался по партийному кадетскому списку выборщиков в I Государственную думу в Сергиевом Посаде [5, с. 297].

Кульминацией в политической биографии Ключевского революционного периода стало его участие в Петергофских совещаниях по обсуждению проекта Государственной думы – так называемой «Булыгинской» думы. Они прохо-

дили с 19 по 26 июля 1905 г. под председательством Николая П. Ключевский, приглашенный в качестве авторитетного эксперта по исторической части, оказался в кругу великих князей, министров и представителей аристократии.

Первый раз Ключевский взял слово только на втором заседании, 21 июля. Это была лапидарная реплика, адресованная Николаю П. Историк посчитал нужным защитить право Думы на «законодательный почин возбуждения» перед императором ходатайств «об усовершенствовании предстоящего к изданию органического закона», т.е. ставить вопрос об изменении и расширении ее собственных прав и полномочий. Ключевский не удержался от того, чтобы не указать на противоречивость позиции императора в этом вопросе. Тот, в свою очередь, не нашел нужным ответить, чтобы прояснить свою истинную точку зрения [8, с. 70].

В этот же день состоялось еще одно выступление Ключевского. В этот раз он обратился к петергофскому собранию с полноценной речью. Она была посвящена вопросу о порядке представления думских мнений государю. Ключевский полемизировал с теми, кто уже высказался в пользу распространения на Думу «порядка движения дел», принятого в Государственном совете: подача мнений от большинства и меньшинства. А он предлагал ограничиться только учетом позиции большинства. Для подтверждения своей правоты Ключевский привлек внушительный исторический материал.

Но прежде всего он заявил о себе как твердом стороннике созыва Думы в формате «совещательного учреждения», обладающего способностью быть «знакомым не только с потребностями страны, но и с ее настроениями, с градусом психологической ее температуры». «Знать это настроение составляет насущную потребность правительства, а дать ему это знание может только Дума» [8, с. 79]. Спрашивать же народных представителей начали в России уже в XVI–XVII веках, но созывавшиеся Соборы не представляли верховной власти двух мнений – «на высочайшее благовоззрение повергалось одно мнение».

Ключевскому важно было, прежде всего, донести до царя мысль о давнем существовании в России атмосферы взаимопонимания между народом и правительством, мысль о том, что она установилась и поддерживалась именно благодаря созывавшимся представительством. Именно они давали власти «чувствовать пульс жизни». Правда, Петр Великий правил «без содействия общества», но и его не оставляла мысль об обязанности «исполнить мысль лучших людей земли». Ну, а после 1730 г. «цари

снова внимали голосу народа». Ключевский, конечно же, вспомнил о Екатерине II, которая возвратилась к созыву народных представителей и по их речам «узнала истинные желания народа», а тот в свою очередь «стал судить о делах, как зрячий». Правда, мысль о «пользе народного представительства» после Екатерины снова погасла и воскресла она лишь в царствование Александра II. Именно вера в свою власть «как выражение воли народа», утверждал Ключевский, дала ему силы провести великие реформы. Он следовал завету, что «верховная власть – защитник выраженной народной мысли» [8, с. 79–80].

Россия нуждается в новых законах. Они должны «пророчествовать, обнять и урегулировать нарождающиеся интересы». Их создание не всегда удастся «самым предусмотрительным умам». Процесс законотворчества, по Ключевскому, должен начинаться с «наблюдения над настроением народных представителей, отражающих душу народную». Вот где лежит почва для успешного законодательства. «Видно будет, какая мера сколько встретит препятствий или поддержки». Лучшим же средством узнать настроение народа может стать только учреждение Государственной думы.

Но разве можно узнать настроение народное, если «власти решающей» будут представляться «разные мнения, мнения большинства и меньшинства»? Власть в таком случае будет всегда находиться перед дилеммой «кому отдать предпочтение». Ключевский не собирается хоронить мнение меньшинства. Он уверен: если мысль меньшинства жизнеспособна, она не пропадет. Пусть с ней в «отдельном собрании» не согласятся, «но, в конце концов, она восторжествует, к ней перейдет большинство, если не все». Но надо сделать так, чтобы до верховной власти «доходило господствующее чувство: только тогда взаимная работа будет производительна». Только тогда, заканчивал свое выступление Ключевский, перед царем откроется «тихое спокойное озеро». «Он будет видеть его дно – душу народа. Только тогда устранятся обстоятельства, затрудняющие ныне законодательство» [8, с. 80–81].

Предложенный Ключевским перечень эпох единения верховной власти с народом под сенью представительных учреждений, идиллическое изображение самодержца, находящегося на берегу «тихого спокойного» озера, весьма примечательны. То, что было сказано им, резко контрастирует с характеристиками русских царей и их власти в дневнике, «мыслях и афоризмах» того же времени. Не лишнее ли это свидетельство непоследовательности, противоречи-

вости его мышления, которые нередко обнаруживаются в момент сопоставления публичных и непубличных высказываний историка? А может быть, мы имеем дело с тактическим приемом, где лишенная каких-либо признаков оппозиционности, верноподданническая интонация была призвана к тому, чтобы склонить Николая II к расширению компетенции будущей Думы?

Самым значительным стало выступление Ключевского на заседании 23 июля. В нем проводилась мысль о недопустимости придания Думе статуса сословного представительства. А вначале он попытался обезоружить против себя дворянское большинство аудитории. Сделано это было с помощью реверанса первому сословию, которое, как мы хорошо знаем, никогда не пользовалось симпатией оратора.

«По моему мнению, – начал свое выступление Ключевский, – дворянство принесло огромную пользу в той именно области, где оно является не представителем сословия, а где оно сотрудничает народу и общается с другими классами населения работает на пользу общую. Эта область – земская деятельность. Здесь они действуют как лучшие люди, приносящие в земские собрания не сословные предания, а радующие об общем благе» [8, с. 120].

Дворянское доминирование в земстве несколько не умаляет его значения для земских учреждений. Сюда представители первого сословия привнесли «дух общественности», привычку к «правильной организации», способность «честно служить на пользу благу народному». Но, отмечал далее Ключевский, «нынешняя сословная организация не вполне отвечает современным понятиям и волнующим общественное мнение чувствам». Тем более что в земских собраниях представлены и землевладельцы-недворяне. И нет никаких оснований утверждать, что дворяне более их осведомлены в делах местного самоуправления, «лучше понимают народные нужды и способы их удовлетворения» [8, с. 121–122].

Начав свою речь с отвержения сословного характера будущей Думы, Ключевский, естественно, должен был высказаться и против построения выборов в нее на сословном начале. Наиболее убедительный контрдовод виделся ему таким: «Интересы населения получили бы крайне неординарное по разным местностям, весьма неравномерное в отношении отдельных классов, выражение» [8, с. 122–123]. Принятие же имущественного ценза как основного начала выборов обещало почти полное устранение этого недостатка. Если же сословность возьмет здесь верх, негативные последствия окажутся весьма серьезными. «В среде землевладельцев, –

говорил Ключевский, – явится раздвоение – будут особые съезды для землевладельцев из дворян и для собственников земли, к этому словию не принадлежащих. Это раздвоение скажется и в Думе. Обе партии, можно опасаться, станут отчуждаться друг от друга, быть может, окажутся во враждебных друг другу отношениях и будут во всяком случае преследовать партийные интересы. Позволительно спросить, к пользе ли общего государственного дела?» [8, с. 123].

Опасения, что узаконение смешанных выборов станет «похоронами дворянства», были, полагал Ключевский, напрасны. Экономическое положение дворянства не казалось ему безнадежным. Процесс обезземеления дворян шел достаточно быстро, и тем не менее в их руках оставалось достаточное количество земли, позволявшее сохранить за собой и в Думе «преобладающее число мест». К этому следовало бы добавить «культурное превосходство» дворянства. «Оно не исчезнет и будет давать лишнее преимущество дворянам на выборах». Итак, их победа была неизбежна.

Правда, может заявить о себе ускоряющееся уменьшение дворянского земельного фонда, несмотря на большую помощь правительства в борьбе с этим печальным явлением. Тогда придется считаться с таким фактом как с «неизбежным последствием экономической эволюции». Но виновато в этом само дворянство, считал Ключевский, ибо оно «не хотело или не сумело воспользоваться теми средствами, которые имелись в его распоряжении для предупреждения процесса обезземеления» [8, с. 124].

Эффектная концовка речи заставила слушателей Ключевского на время забыть об интересах дворянства и вспомнить о народе. «Какое впечатление произведет сословность выборов на народ? – заканчивал он. – Я не хочу быть зловещим пророком. Но она может быть истолкована в смысле создания Государственной думы для защиты сословных интересов дворянства. Тогда восстанет в народном воображении мрачный призрак сословного царя. Да избавит нас Бог от таких последствий» [8, с. 124].

Последнее выступление Ключевского состоялось в день закрытия совещания, 26 июля. В его содержании хорошо проглядывает озабоченность тем, получит ли крестьянство возможность для полноценного волеизъявления, если будет определять своих избранников в Думу отдельно. А предложения о выделении крестьян в избирательную курию уже прозвучали. «Отринув идею сословности вообще, едва ли целесообразно было придерживаться этого начала в отношении крестьян», – с этого заявления Ключевский начал свою речь [8, с. 185].

А далее он обращал внимание аудитории на процесс имущественной дифференциации, уже начавшийся в деревне. Здесь, указывал Ключевский, появилось немало «сильных и властных личностей», которые «смотрят далее наиболее близких массе потребностей, неспособны отрешиться от собственных выгод во имя общего блага и всюду явятся преимущественно защитниками своих собственных интересов, лишь отчасти совпадающих, а иногда и противоречащих благу меньшей их братии» [8, с. 186]. И чем дальше будет проводиться линия на обособленность выборов для крестьян, тем вероятнее станет попадание таких личностей в члены Думы. Преобладающая масса крестьянства при таком раскладе только проиграет.

По мнению Ключевского, совершенно иной результат можно было бы получить, уйдя от «сквозной раздельности выборов». Для этого следовало осуществить «слияние выборщиков в общем избирательном собрании губернии». Здесь-то и будут выбраны в Думу именно те лица, которые «способные поставить интересы общего блага и пользы государственной выше своих собственных выгод» [8, с. 186].

Ключевский предвидел возражения против предлагаемой им «смешанной системы» и даже называл главный довод ее противников – опасность «вредного влияния агитаторов». Но сам он был уверен в том, что в губернском избирательном собрании найдутся здоровые элементы, способные противопоставить вредной агитации свое благотворное влияние на выборщиков-крестьян и «направить их голоса в пользу действительно достойных лиц». Это должны быть люди, «ясно понимающие интересы сельского населения и способные их отстаивать в Думе не хуже, а скорее даже лучше, нежели сами крестьяне» [8, с. 187].

К сожалению, Ключевский не оставил в своем дневнике записей, которые приоткрывали бы завесу в отношении того, как выстраивалась его собственная работа в совещаниях, что представляла собой атмосфера внутри и вокруг этого собрания. Запись от 19 июля 1905 г., содержащая перечень выступавших в этот день с наметкой сказанного ими, не в счет – она не прибавляет ничего нового к содержанию опубликованных протоколов. На помощь исследователю приходят только воспоминания П.Н. Милокова о днях совещаний. Они не очень пространны, но, кажется, схватывают главную интригу происходившего в Петергофе. Вот что здесь сообщается.

По приезде в Петербург Ключевский обратился к бывшему ученику с просьбой – «помочь ему ориентироваться в политической обстанов-

ке северной столицы». «В течение всей недели, пока продолжались совещания, – сообщает мемуарист, – я проводил у Ключевского все вечера, выслушивая его подробные рассказы о том, что происходило в Петергофском дворце, и обсуждая вместе с ним программу следующего дня» [9, с. 305].

«В.О. был приглашен (на совещания. – В.К.) по почину правой клики, рассчитывавшей найти в нем надежного союзника, – читаем далее у Милюкова. – В первые дни они открыли перед ним все свои потаенные планы. Не без лукавства, ему свойственного, В.О. Ключевский оставил их на время в заблуждении. Таким образом, я узнал закулисную сторону борьбы политических течений на совещании. Предметом борьбы было не столько само учреждение Думы, сколько ключ к господству над Думой – избирательный закон <...> Проект сохранял, конечно, весьма относительно, начало бессловности в выборах. Заговорщики хотели откровенных прямых выборов по сословиям. <...> Оппозиция правительственному проекту была упорная и до самого конца заседаний не хотела сдаваться. Царь, обработанный правыми, видимо, колебался. Ключевский был в выгодном положении, выступив на защиту проекта правительства. Он дважды высказался против словности выборов. <...> Дворянство было в Петергофе – вообще не в авантаже. <...> А на “серенького” мужичка возлагались большие надежды. В известной степени с этим отношением к дворянству и крестьянству совпадали и тенденции лекций Ключевского: он был только верен себе» [9, с. 305–306].

Петергофские совещания должны были завершиться обнародованием высочайшего манифеста об их результатах. Подготовка его текста велась уже в дни заседаний. Но ко дню их закрытия (26 июля) эта работа еще не была закончена. Поставить точку здесь предстояло особому совещанию под председательством обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева. В состав совещания из 10 человек был включен В.О. Ключевский. Его единственное заседание состоялось 30 июля. Рассматривалось шесть проектов манифеста – в их числе и подготовленный членом Государственного совета, известным правоведом Н.С. Таганцевым. Именно проект этого петергофца лег в основу окончательной редакции манифеста 6 августа 1905 г.

С текстом Таганцева Ключевский ознакомился еще в начале 20-х чисел июля. Автор проекта тут же получил от него критические замечания. Таганцев не согласился ни с одним из них. На его взгляд, все они были «основаны на явном недоразумении». Разумеется, мы не

можем в данном случае не задаться вопросом, добавил ли этот эпизод что-либо новое к уже прозвучавшему в петергофских выступлениях Ключевского.

Оппонент Таганцева никак не отреагировал на то, что было сказано в его проекте о компетенции Думы и порядке выборов в нее. Да и спорить здесь с либералом Таганцевым было не о чем: Дума и ему виделась «законосовещательным учреждением», выборы депутатов в которое должны были проходить на уездных избирательных съездах и губернских собраниях. К тому же эти вопросы уже получили решение на самом верху и потеряли значение для каких-либо обсуждений. В таком случае Ключевскому оставалось полемизировать лишь с тем, как Таганцев определял силы, участвующие в революционной «смуте», и указывать на случаи стилистической неубедительности его текста [10, с. 268]. Некоторым преувеличением выглядит мнение публикатора материалов по истории подготовки манифеста 6 августа А. Чулошникова, полагавшего, что Ключевским был сделан «ряд ценных указаний по самому существу содержания» таганцевского проекта [10, с. 263].

Ключевский, понятно, не мог открыть для себя ничего нового в «Учреждении Государственной думы» и «Положении» о выборах в нее, опубликованных 6 августа 1905 г. Первостепенный интерес для него представляла, конечно, общественная реакция на это волеизъявление верховной власти. Резюме же его наблюдений было лаконично – «равнодушие в народе» [5, с. 292].

Нам не удалось найти следов непосредственной реакции Ключевского на Манифест 17 октября в целом. Но из всей совокупности его высказываний на политические темы в 1905–1907 гг. явствует, что он принял в принципе эту официальную декларацию конституционализма. И все же одно критическое замечание доносит дневниковая запись от 9–12 декабря 1905 г. Здесь указывается на недостаточность самоограничения, которое обещает верховная власть. Она ограничила себя, иронизирует Ключевский, «только односторонне с левого бока». Да, «царь обещал не издавать закона, не одобренного Государственной думой», но там нет обязательства «утверждать закон, требуемый Государственной думой» [5, с. 296–297].

Указом от 20 февраля 1906 г. правительство преобразовало Государственный совет во вторую, верхнюю палату, получившую законодательные права, равные с правами Думы. Таким образом, на глазах Ключевского произошла мутация проектируемой Думы. Первоначально задуманная как единственный законосовеща-

тельный орган, она превратилась в одну из основных частей парламентской конструкции. Нет признаков того, что Ключевский, без какого-либо сопротивления принимавший еще недавно этот исходный замысел, находил теперь причины противиться полученному результату.

Что же касается отношения Ключевского к Государственному совету, то он был невысокого, мягко говоря, мнения, о составе этого органа в первую очередь. В письме А.Ф. Кони (21 июля 1906 г.) он назвал Совет «сбродным хаосом дилетантов или реакционеров» [5, с. 294]. Но перед Ключевским неожиданно замаячила перспектива членства именно в Государственном совете. Сначала она обозначилась на уровне слухов о том, что выдвигание инициируют Академия наук и российские университеты. Опережая возможное развитие событий, Ключевский 8 апреля 1906 г. обратился с письмом в редакцию газеты «Русские ведомости», где заявил, что он отклоняет свою кандидатуру. Называлась и причина принятого им решения. «Я не нахожу положение члена Совета достаточно независимым для свободного в интересах дела обсуждения возникающих вопросов государственной жизни», – говорилось здесь [5, с. 203]. Когда же избрание его (10 апреля) все-таки состоялось, Ключевский вынужден был обратиться к председателю Совета министров И.Л. Горемыкину с заявлением о сложении с себя звания члена Государственного совета.

Анализируя отношение Ключевского к идее народного представительства, нельзя обойти стороной вопрос о восприятии им требования созыва Учредительного собрания. Оно было особенно популярно на рубеже 1905–1906 гг. в революционно настроенной части российского общества: его, отмечал Ключевский, требуют «железнодорожники, телеграфистки, курсистки, все забастовщики и забастовщицы». В его же глазах это увлечение было не более чем обезьянничаньем: «так бывало за границей, так должно быть и у нас». К тому же задача установления «основного закона, т.е. устройства верховной власти и ее отношения к подданным» уже решена, полагал он, Манифестом 17 октября.

Но уж если Учредительное собрание все-таки станет реальностью, то ему, полагал Ключевский, «предстанут три дороги». «Оно может утвердить одностороннее ограничение верховной власти по манифесту 17 октября, и тогда оно окажет себя лишним, ибо это могла бы сделать и возвешенная манифестом этого октября Государственная дума. Оно может вопреки этому манифесту восстановить полное, затхлое, черносотенное самодержавие, и тогда оно явит себя совсем реакционным. Наконец, оно может,

отменив всякую монархию, самодержавную и полусамодержавную, провозгласить республику, и тогда оно, призванное для водворения законного порядка, окажется революционным. И так, Учредительному собранию придется выбирать между реакцией, революцией и собственной ненужностью, т.е. анархией, ибо его будут слушаться еще менее, чем самодержавного Витте или Трепова <...>» [5, с. 297].

Роспуск Думы (9 июля 1906 г.) заставил Ключевского свести воедино свои впечатления о ее работе, размышлять о том, что она значила для России, несмотря на кратковременность (всего 72 дня) существования. Он поделился своими заключениями на этот счет в письме А.Ф. Кони от 21 июля 1906 г. Здесь говорилось: «Внимательно присматриваясь к дея[тельности] этой Думы, я б[ыл] принужден признать два факта, которых не ожидал, ее бесспорной консолидации в народном сознании как на самый надежный орган верх[овной] власти и потом бесспорной умеренности господствующего настроения, ею проявленного. Это настроение авторитетного в народе учреждения неизмеримо умереннее той революц[ионной] волны, которая начинает заливать страну, и требования Думы – это самое меньшее, чем может быть достигнуто бескровное успокоение страны. Поэтому поддерживать Думу является делом практич[еского] патриотизма, вопросом политической тактики, а не стратегии. Теперь дело идет уже не о требованиях бывшей Думы, а о [существовании] единственного высшего учреждения, которому верит народ» [5, с. 204–205].

Согласиться с роспуском такого учреждения «в неотложную минуту ее работы» было, конечно, невозможно. Настроения бойкота накануне новых выборов Ключевским категорически отвергались. Вполне возможным виделся ему вариант возрождения Думы в реакционном облики. Желать такого разворота, конечно же, не хотелось, но и «бояться», считал он, не стоило [5, с. 383]. Устойчивость нового института была в его глазах неоспоримой ценностью, находилась для него на первом месте. Здесь он – единомышленник кадетов с их лозунгом «бережения Думы».

Можно ли что-то сказать об отношении Ключевского к Выборгскому воззванию? Ответ на поставленный вопрос затрудняется отсутствием оценок этой протестной акции, исходящих от него самого. Правда, существует свидетельство А.И. Яковлева, будто Ключевский ждал после роспуска Думы революционного переворота. Яковлев даже передает слова, якобы произнесенные его учителем. А сказано было вот что: «Пропущен ценнейший историче-

ский случай свергнуть прогнивший порядок. Такие моменты не повторяются столетиями. Никакого противодействия со стороны петербургской своры и не было бы: они (окружение Николая II) сюртуков на депутатах не решились бы изорвать! А наши молодцы сумели только сочинить Выборгское воззвание!» [11, с. 123].

Достоверность прямой речи Ключевского в передаче А.И. Яковлева вызывает все-таки большие сомнения. Содержание приписанного ему высказывания не вяжется с тем настроением, которое нам уже известно по его письму А.Ф. Кони от 21 июля 1906 г. Он определенно жаждал здесь «бескровного успокоения страны».

Ключевскому (он скончался 12 мая 1911 г.) суждено было стать современником трех Дум. Если оценку роли первой хорошо доносит, в чем мы уже убедились, упомянутое письмо, то судить о восприятии им деятельности второй и третьей Дум весьма затруднительно по очень простой причине. Достоверных свидетельств в данном случае нет. Имеется, правда, возможность обратиться к «поминальной» статье М.М. Ковалевского об историке, напечатанной в июньском номере «Вестника Европы» 1911 г. Она содержит мемуарный фрагмент, где автор говорит о поражающей его способности Ключевского в свои последние, «тягостно протекавшие» для него годы жизни откликаться «на все злобы дня».

М.М. Ковалевский вернулся в Россию в августе 1905 г. «С тех пор и при каждом новом моем посещении Москвы, — пишет он, — я постоянно виделся с Ключевским и могу уверить всех и каждого, что во время этих свиданий речь шла не о равноапостольном князе Владимире и не о «тишайшем» царе Алексее Михайловиче, которого так любил покойный, даже не о Петре или Екатерине, а о Государственной думе и Государственном совете. По всем текущим вопросам Ключевский имел определенное мнение и, не отвлекаясь сам от научной работы для проведения в жизнь того, что считал правильным, он не прочь был поручить эту заботу людям, с которыми связывала его долгая совместная деятельность» [12, с. 176]. В круг этих людей входил Ковалевский. Последствием долгих разговоров с Ключевским «с глазу на глаз» стало его решение выставить свою кандидатуру на выборах в I Государственную думу.

Ковалевскому вторил П.Н. Милуков. Вот каким запомнился ему Ключевский последних лет своей жизни. Во время их встреч в Москве он, вспоминая Милуков, «жадно выпрашивал меня о последних политических новостях, об общем политическом положении, о лицах и перспективах, в особенности о перспективах» [13, с. 270]. Собеседники наверняка касались и

темы современного состояния российского парламентаризма.

Итак, будет вполне корректным отметить, что Ключевский и в период деятельности II и III Дум сохранял активность в своем интересе к происходившему в их стенах.

Пореволюционная Россия ничем особенно не радовала историка, двигавшегося к финалу своей жизни. Были моменты, когда родина представляла перед ним в самом что ни на есть неприглядном свете. Вот многоговорящая дневниковая запись 30 января 1911 г.: «У нас нет ничего настоящего, а все суррогаты, подобия, пародии: quasi-министры, quasi-просвещение, quasi-общество, quasi-конституция, и вся наша жизнь есть только quasi una fantasia» [5, с. 316]. Как видим, исключение не делается и для первых опытов конституционной трансформации страны. Но за этими словами нельзя видеть радикально настроенного отрицателя российской действительности — и только. Нет никаких оснований для того, чтобы ставить под сомнение прогрессистский эволюционизм Ключевского как основополагающую черту его мировоззрения.

Однако при всем том нельзя игнорировать факт, который выглядит очевидным контрастом только что сказанному. Сохранился черновик короткого письма Ключевского некоему «Сергею Ал-чу», датированного 8 марта 1909 г. Он извиняется перед адресатом за задержку его книги о Термидоре и признается, что «издание» доставило ему «глубокое удовольствие» и, кроме того, убедило в том, что «свободу надобно брать, а не получать» [5, с. 210]. Что же следует видеть в этих последних словах? Отпечаток минутного настроения или итог неспешных раздумий Ключевского на тему совместимости свободы и революционного действия? Наконец, проецировались ли им реалии французской революции 1789 г. на российскую действительность первого десятилетия XX века? Эти вопросы остаются без ответа. Поэтому спешить с констатацией «революционности» историка в условиях наступления после 1905–1907 гг. политической реакции все-таки не стоит. Нет причин видеть здесь и признак приближения к «разлому в стене буржуазного мировоззрения», как это делает маститый биограф Ключевского [1, с. 527].

Суммируем наши наблюдения. К концу 1870-х гг. свое место в либерализме Ключевского занял конституционализм. Он набирал силу на протяжении работы над «Боярской думой древней Руси», вытесняя негативное отношение Ключевского к идее ограничения самодержавия в России, которое было свойственно ему в предшествующее десятилетие. Этот процесс в 1880–90-е гг., несомненно, имел продол-

жение, хотя анализ его практически невозможен в силу отсутствия надежных документальных свидетельств. Речь об Александре III 28 октября 1894 г., как бы ни объяснять факт ее произнесения, не ревизовала либеральный конституционализм Ключевского.

В середине 1890-х гг. Ключевскому пришлось серьезно размышлять об историческом опыте Западной Европы, «политические формы» которой, как он полагал, привьются и в России, не став при этом помехой ее особенностям. Большой интерес вызывала у него французская конституция 1791 г. Он оценил этот документ как «поучительный урок» негодности отвлеченных начал, положенных в ее основание. В новом государственном устройстве, которое она утверждала, было обнаружено немалое число недостатков, в том числе «однопалатность» законодательного собрания.

Оценки самодержавия и его персональных воплощений, которые давались Ключевским на рубеже веков, чрезвычайно резки, даже похоронны. Но он отправлял в небытие пока только царствующую династию, а не сам монархический институт. Налицо очевидная боязнь непредсказуемости республики, которая может явиться из хаоса революции. Представить себе Россию в революционно-республиканском облике он не мог, а потому оставался сторонником монархического конституционализма.

Наблюдая в условиях начавшейся революции движение Николая II и его правительства в сторону народного представительства, соглашаясь с этим курсом, Ключевский испытывал все же серьезные сомнения в успехе поспешной, как ему казалось, конституционной трансформации. Серьезной помехой ей была, полагал он, российская ситуация незавершенного перехода от сословного деления к делению на классы. Набиравшая темп партийно-политическая дифференциация общества также не сулила, считал он, ничего хорошего.

Выступления Ключевского на Петергофских совещаниях говорят о том, что он заявил там о себе как твердый сторонник созыва Думы в статусе «совещательного учреждения». Он видел в ней хранительницу духа взаимопонимания, единения между народом и правительством. Для Ключевского важно было убедить членов петергофского собрания во главе с царем в недопустимости придания Думе сословного характера, преобладания в ней дворянства. Ключевский высказался здесь за бессловные, двухстепенные выборы по губерниям на основе имущественного ценза. Эти особенности его позиции, всего вероятнее, имел в виду П.Н. Милоков, указывая на спаянность конституционализма Ключевского с его «демократизмом».

Ключевский оценил Манифест 17 октября 1905 г. как вполне зрелый конституционный акт, лишивший смысла требование Учредительного собрания. Высоким было его мнение о I Государственной думе. В его глазах она зарекомендовала себя как «единственное высшее учреждение, которому верит народ». К сожалению, не оставили никакого следа оценки 2-й и 3-й Дум.

И последнее. Принимая, как мы убедились, в общем и целом политические реформы, происходившие на его глазах, Ключевский тем не менее позволял себе их негативные оценки и даже откровения в духе революционного радикализма (правда, вне какой-либо публичности). Причины их объясняются как противоречивостью впечатлений, которые он получал от российской действительности, так и особенностями его мышления, расположенного к парадоксализму и скепсису. Но эти редкие «аномалии» не были признаками начавшегося отхода Ключевского от убеждения в том, что именно конституционная монархия не парламентского, а пока лишь дуалистического типа и есть оптимальный вариант политического строя для современной России.

Список литературы

1. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 637 с.
2. Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества. Введение. Гл 1, 2 // Русская мысль. 1880. №1. Раздел «Русская жизнь». С. 40–76.
3. Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. М.: Типогр. А. Иванова (б. Миллера), 1882. 555 с.
4. Китаев В.А. В.О. Ключевский и Россия 1860-х гг.: к характеристике политических взглядов историка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 3. С. 17–26.
5. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. 525 с.
6. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. 416 с.
7. Ключевский В.О. Памяти в бозе почившего государя императора Александра III. Речь, произнесенная в заседании Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете 28 октября 1894 г. М.: Университетская типография, 1894. 7 с.
8. Петергофское совещание о проекте Государственной думы под личным его императорского величества председательством. Секретные протоколы. Eberhard Frowein Verlag, Berlin (б.г.). XX, 220 с.
9. Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1 (1859–1917). М.: Современник, 1990. 446 с.
10. К истории манифеста 6 августа 1905 года / Подг. к печати А. Чулошников // Красный архив. 1926. Т. 1 (14). С. 262–270.
11. Яковлев А.И. В.О.Ключевский (1841–1911) // В.О. Ключевский: Воспоминания и исследования. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017. С. 84–130.

12. Ковалевский М.М. Василий Осипович Ключевский // В.О. Ключевский: pro et contra. Антология. СПб.: РХГА, 2013. С.171–176.

13. Милуков П.Н. В.О. Ключевский // В.О. Ключевский: pro et contra. Антология. СПб.: РХГА, 2013. С. 238–272.

**VASILY KLYUCHEVSKY ABOUT POPULAR REPRESENTATION IN RUSSIA
(POLITICAL ASPECT)**

V.A. Kitaev

The attitude of V.O. Klyuchevsky to the idea of popular representation and its implementation in the State Duma is considered. Much attention is paid to his participation in the expert work on the preparation of the government project of this institution. The moderation of Klyuchevsky's constitutional program is revealed, where the question of the competence of the Duma was not of primary importance. His priority were the problems of the quality of the electoral system and ensuring, in his opinion, the optimal social composition of the new body. One particular feature of the historian's position is also noted: his desire to prevent the predominance of nobles in the State Duma.

Keywords: V.O. Klyuchevsky, Russia, autocracy, Alexander III, Nicholas II, Russian revolution of 1905–1907, liberalism, constitutionalism, popular representation, Boyar Duma, State Duma, Peterhof consultations.

References

1. Nechkina M.V. Vasily Osipovich Klyuchevsky. The history of life and creativity. M.: Science, 1974. 637 p.

2. Klyuchevsky V.O. Boyar Duma of ancient Russia. The experience of the history of a government institution in connection with the history of society. Introduction. Chapter 1, 2 // Russian thought. 1880. № 1. Section «Russian life». P. 40–76.

3. Klyuchevsky V.O. Boyar Duma of ancient Russia. M.: Typogr. A. Ivanov (ex Miller), 1882. 555 p.

4. Kitaev V.A. V.O. Klyuchevsky and Russia of the 1860s: to characterize the political views of the historian // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2023. № 3. P. 17–26.

5. Klyuchevsky V.O. Letters. The diaries. Aphorisms and thoughts about history. M.: Science, 1968. 525 p.

6. Klyuchevsky V.O. Unpublished works. M.: Science, 1983. 416 p.

7. Klyuchevsky V.O. In memory of the late Emperor Alexander III. Speech delivered at the meeting of the Imperial Society of Russian History and Antiquities at

the Moscow University on October 28, 1894. M.: University Printing House, 1894. 7 p.

8. Peterhof meeting on the draft of the State Duma under the personal chairmanship of His Imperial Majesty. Secret protocols. Eberhard Frowein Verlag, Berlin. XX, 220 p.

9. Milyukov P.N. Memoirs, vol. 1 (1859–1917). M.: Sovremennik, 1990. 446 p.

10. On the history of the manifesto of August 6, 1905 / Subg. to print A. Chuloshnikov // Krasnyy archiv. 1926. Vol. 1 (14). P. 262–270.

11. Yakovlev A.I. V.O. Klyuchevsky (1841–1911) // V.O. Klyuchevsky: Memoirs and research. St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University, 2017. P. 84–130.

12. Kovalevsky M.M. Vasily Osipovich Klyuchevsky // V.O. Klyuchevsky: pro et contra. Anthology. St. Petersburg: RCHA, 2013. P. 171–176.

13. Milyukov P.N. V.O. Klyuchevsky // V.O. Klyuchevsky: pro et contra. Anthology. St. Petersburg: RHGA, 2013. P. 238–272.